

При моделюванні образу Василя-Костянтина Острозького автор використав майже всі можливі засоби його художнього відтворення: портрет (статичний, що малює художник та динамічний, що фіксує зміну психічних станів героя); характер; співставлення князя з іншими діючими персонажами; відображення внутрішнього стану Острозького через пейзаж; мовленнєва характеристика (діалог, монолог, внутрішнє мовлення, внутрішній діалог).

Список використаної літератури

1. Костомаров М. І. Галерея портретів. Біографічні нариси / М. І. Костомаров. – К. : Веселка, 1993. – 326 с.
2. Котляр М. Ф. Історія України в особах / М. Ф. Котляр. – К. : Україна, 1996. – 240 с.
3. Кралюк П. М. Князі Острозькі / П. М. Кралюк, Я. Я. Хаврук. – Харків: Фоліо, 2015. – 63 с.
4. Кралюк П. Шестиднев, або Корона дому Острозького: роман / Петро Кралюк. – К. : Ярославів Вал, 2010. – 320 с.

Марія Шлаган

ГОРОД – ЖЕНЩИНА – ПОЭТ В СТИХОТВОРЕНИИ АНДРЕЯ ШИРЯЕВА «СТРУНЫ. ДОРОЖНЫЙ СТОЛБ. ГОРОД ВОКРУГ СТОЛБА...». СМЫСЛОВОЙ ДИАЛОГ КОНЦЕПТОВ «КОЛДОВСТВО» И «ХРИСТИАНСТВО»

Актуальность избранной темы статьи обусловлена интересом современного литературоведения к осмыслению своеобразия лирики двух последних десятилетий, открывающих XXI век. Также в данном плане представляет интерес выявление различных культурных пластов, закодированных на уровне стилистики, семантики, символики, мировоззрения в новейшей поэзии. Поэтическое наследие современного поэта Андрея Ширяева оказывается благодатным материалом для вышеобозначенных исследовательских стратегий.

Андрей Ширяев наш современник (1965–2013), творческое становление которого приходится на переходный период для истории нашего времени: конец XX века – начало XXI века. Для исследования приоритетно рассмотреть диалог авторской манеры Андрея Ширяева с различными традициями и их модификациями. Особенно привлекателен для исследования диалог концептов «колдовство» и «христианство» в лирике А. Ширяева.

Цель статьи – через призму смыслового диалога концептов «колдовство» и «христианство» на материале стихотворения «Струны. Дорожный столб. Город вокруг столба...» рассмотреть триаду «город – женщина – поэт» как одну из смысловых доминант поэтического мира современного поэта Андрея Ширяева.

Становление авторского мира Андрея Ширяева в соответствии с его взглядами на мир наиболее показательно проявилось в стихотворении «Струны. Дорожный столб. Город вокруг столба...», которое было опубликовано 23 сентября 2013 года. Этот поэтический текст входит в цикл «Январская река» в книге стихов «Мастер зеркал».

*Струны. Дорожный столб. Город вокруг столба.
Танцы на дне реки. Люди, любовь и голод.
Время сорвать венец, ирамы стереть со лба
и обратиться в крест, благословляя город.*

*Город её детей. Сладкий шипучий пот.
Крылья и мёд. Она – точно оживший улей.
Выросла для меня, и для меня поёт
женщина на земле дикорастущих углей.*

*Ближе – лицом к лицу. Голод. И я беру
губы с настоящим слёз, солнца и померанца.
Вздрыгнет, ладонь мою крепче прижмёт к бедру,
чтобы не потерять. Чтобы не потеряться.*

*Чёрная пыль трущоб. Красный воздушный змей.
Белый сухой огонь. Бег по тягучей лаве.
Кровососущий ритм. Выживи и сумей
вынести этот фанк. Сделай меня в облаве*

*между летящих пуль, в дырах зубов и стен,
звуком терновых струн вторя ночным сиренам.
Похорони меня, и обвенчайся с тем,
кто над людьми – крестом, яростным
и смиренным.*

*Он на твоих губах, я за твоей спиной –
столб на краю земли, ирам посреди дороги.
И у чужих детей, эти – мои со мной –
вечные, как долги, странные диалоги. [10].*

Доминантой лирического сюжета становится обыгрывание смысловых, мифологических, исторических и других культурных пластов триады «город – женщина – поэт», которая как на уровне подтекста, так и контекстуально связана с концептами «колдовство» и «христианство». Согласно В. Н. Топорову, «в сознании человека город предстает в двух образах – город проклятый, падший и развращенный, город над бездной и город-бездна, ожидающий небесных кар, и город преображенный и прославленный, новый град, спустившийся с неба, на землю» [4, 122]. В анализируемом тексте город полисемантически маркирован, включает в смысловую парадигму Вавилон, Иерусалим, Рим, Москву, Рио-де-Жанейро. В авторском мире А. Шириева город, как и в библейской традиции, отождествляется с женским персонажем, а точнее с образом блудницы. Этот образ подобно эстетическим исканиям Серебряного века обладает мерцающей многослойной природой. В плане городской топонимики и идентификации с женским образом А. Шириев сопрягает коннотации страстности и греха.

Грех и страсть, соотносимые с концептом «город» и женским образом отсылают к представлениям о Вавилонской блуднице. В Откровении Иоанна Богослова (вторая половина I века) ангел говорит: «... суд над великою блудницею... пал, пал Вавилон, великая блудница... в один день придут на нее казни, смерть и плач, и голод, и будет сожжена огнем...» [9, 287]. Таким предстает Вавилон – город изначально благословенный и должный стать пространством встречи человека и бога, но реализовавший себя как оскверненный топос и метафора греха.

С. А. Фокина акцентирует, что для А. Ширяева характерно, что «женский образ получает ряд смысловых оттенков, которые при каждой новой идентификации, усложняясь, наделяют адресата архетипическими чертами» [7, 162]. Более того, согласно мнению исследовательницы поэт стремится «осуществлять в рамках своего стихотворения <...> ряд смысловых сцеплений, порождающих утверждение единства мужского / женского, демонического / возвышенного, музыкального / космогонического и др.» [8, 114]. В анализируемом в данной статье ширяевском поэтическом тексте трансформирован образ вавилонской блудницы. Очарованность лирического героя возлюбленной и городом становится смыслом его бытия.

В поэтическом тексте А. Ширяева действие происходит в двух топосах, лирический герой переносится из древнего города, в город современный. Одновременно предстает и два образа женщины. С одной стороны простой, земной женщины, а с другой – женщины-блудницы, образ который отождествляется с образом города.

По замечанию С. А. Фокиной, «познание возлюбленной и как женщины, и как личности, оборачивается осознанием собственной сущности, растворенной в мире <...> в созерцании города. Для поэтического мира А. Ширяева характерно следование антично-библейской традиции при обыгрывании мифологемы женщины-города» [7, 166]. Характерно, что для исследуемого лирического сюжета Андрея Ширяева важна не столь тема блуда, а возможность в определенной степени демонизировать женский образ, акцентируя связь с колдовством возлюбленной лирического героя.

Введение мотивов, связанных с концептами «колдовство» и «христианство», актуализирует символические пласты ширяевского текста. Стихотворение начинается со слова «струны», что подразумевает воспевание поэтом города и возлюбленной. Возникающий перед лирическим героем столб, несомненно, символизируют начало города, при этом воплощая и мужское начало, как фаллический символ. Но помимо языческих коннотаций, важны и христианские. Согласно «Словарю сюжетов и символов в искусстве» Дж. Холла, «столб является религиозным символом духовной силы и твердости» [5, 533], а сила в свою очередь воплощается в образе мужчины. Создается впечатление, что мужское начало противопоставляется женскому как эмблемы духовной силы противостоящей колдовству. Но лирический сюжет ширяевского текста строится на единстве и близости мужского и женского начал. В том же словаре Джеймса Холла говорится, что «Дева Мария прислонялась к столбу, колонне в сцене Рождения Христова» [5, 184]. Опираясь на эти факты, мы можем трактовать образ «Город вокруг столба» как эмблему женщины обвивающей мужчину, что подразумевает взаимосвязь мужского и женского начал. Таким образом, мужчина оказывается внутри женщины, символизируя возвращение в материнское лоно или же интимную близость между возлюбленными.

Эротический подтекст подкрепляет возникающая в стихотворении тема танца, что также обыгрывает и осуществление некоего ритуала. Согласно позиции А. Е. Махова – автора

«Сада демонов», специалиста по инфернальной мифологии средневековья, «танец относится к проявлению демонической одержимости, так называемой танцевальной лихорадки» [2, 241]. Танец не противоречит ни теме единения мужского и женского, ни приписываемой возлюбленной лирического героя демонизации, провоцируя ассоциацию с шабашем ведьм на лысой горе в Вальпургиеву ночь. Ритуальная составляющая танца, созвучна мысли М. Элиаде о том, что «жрецы <...>, хотя и представляют скорее ритуалистическую традицию религии, вовсе не свободны от экстатических переживаний; они даже обязаны изучать магические искусства и колдовство» [11, 198]. Этот аспект осмысления феномена колдовства в культуре позволяет прояснить специфику концепта «колдовство» в анализируемом стихотворении А. Ширяева. Характерно, что авторское сознание поэта акцентирует фактор запредельного, инобытийного, эзотерического.

Венец, упомянутый в стихотворении (*«Время сорвать венец, шрамы стереть со лба»*) можно отождествить с терновым венком, который был надет Христу в насмешку как «царю иудейскому». Этот ширяевский образ связан с христианской традицией трансформации символики лаврового венка, который со времён античности символизировал славу, победу или мир, заменяя мирские значения достижением божественного статуса через страдание. Характерно, что лавровый венок надевали римские триумфаторы. В. Н. Топоров отмечает, «город организуется и соответственно рассматривается в мифопоэтической традиции, как ритуальный центр, как храм, место жертвоприношения, алтарь. В этом контексте не только лоно соотносится с алтарем, но и женский персонаж – с городом (страной), а мужской персонаж с находящимся в центре его храмом» [4, 125]. Тема креста («символ Воскресения – триумф победы над смертью» [3, 59]) может означать крещение людей и в свою очередь указывать на жертвенную смерть Христа, искупающую грехи человечества. Благословление города, может отождествляться с исцелением Марии Магдалины, изгнанием Иисусом Христом семи бесов.

При этом демоничность лирической героини оказывается при ближайшем рассмотрении вполне неоднозначной. Показательна концепция, акцентирующая тот факт, что «для А. Ширяева, вероятно, важна не только демоническая составляющая женского образа, но и акцентирование ее экстатичности, что подразумевает страстность и связь с язычеством» [7, 163]. Стараясь прочесть авторский символ, можно предположить, что поэт метафорически обыгрывает идею: пора сменить религию, время язычества и колдовства прошло, пришло время христианства. Но одновременно с этим придется заплатить за свои грехи, то есть стереть шрамы «чтобы обратиться в крест, благословляя город».

*Город её детей. Сладкий шипучий пот.
Крылья и мёд. Она – точно оживший улей.
Выросла для меня, и для меня поёт
женщина на земле дикорастущих углей.*

Это описание дает нам представление о земной женщине, оно придает ей конкретики. В этом четверостишье женщина выступает в роли матери, которая дает новую жизнь и в то же время в роли возлюбленной, которая вдохновляет.

*Ближе – лицом к лицу. Голод. И я беру
губы с настоящим слёз, солнца и померанца.
Вздрыгнет, ладонь мою крепче прижмёт к бедру,
чтобы не потерять. Чтобы не потеряться.*

Ипостась блудницы переосмысливается в ключе соотнесения женского начала в тексте с обольщением, наслаждением и плотским началом, что подчеркивается словами «лицом к лицу», «вздохнет», «прижмёт к бедру». Так же можно рассматривать это как лиризированный вариант описание шабаша ведьм и темы языческих оргий.

*Чёрная пыль трущоб. Красный воздушный змей.
Белый сухой огонь. Бег по тягучей лаве.
Кровососущий ритм. Выживи и сумей
вынести этот фанк. Сделай меня в облове
между летящих пуль, в дырах зубов и стен,
звуком терновых струн вторя ночным сиренам.*

Лирический сюжет ширяевского стихотворения центрирует две идеи: слияние древнего и современного города, а также диалог колдовских и христианских символов и мотивов. Так же показателен выбор цветов: черный, красный, белый. Черный цвет – «может выражать как абсолютную полноту, так и абсолютную пустоту. Главное значение тьма и зарождение во тьме» [1, 531]. Белый, в свою очередь, «является аналогом черного, чистота, совершенство, символ невинности» [1, 76]. Красный – означает нечто пограничное между этими двумя цветами, «ассоциируется с жизнью, анархией и любовью, также символ крови, гнева и мести, цвет войны и революции» [1,76]. Переходы из одного цвета в его противоположность, сближаясь с темой алхимических опытов, подчеркивает неоднозначность города – женщины – поэта.

Ширяевское стихотворение «Струны. Дорожный столб. Город вокруг столба...» наполнено противоречиями, символами, которые друг друга взаимодополняют, создавая полифонию смыслов. Город то отождествляется с женщиной, то предстает как реальное, осязаемое место действия.

Призыв лирического героя: «Похорони меня, и обвенчайся с тем, / кто над людьми – крестом, яростным и смиренным» позволяет идентифицировать стихотворение как жанр послания и в то же время своеобразного манифеста. В подтексте обыгрывается отсылка к образу Магдалины, которая отказалась от блуда в пользу веры. Не менее важна идея попеременного то отдаления, то обращенности к Богу, некая установка лирического героя. Лирический герой проходит испытание эквивалентное процессу инициации, означающему переход в другое пространство («Он на твоих губах, я за твоей спиной»). Странные диалоги, упомянутые в стихотворении можно трактовать как молитву – диалог с Богом, с судьбой, с миром.

К концу стихотворения Столб выступает символом людских пороков, изъянов («Столб на краю земли, шрам посреди дороги»). Возникает скрытая идея цикличности мира: кому-то придется искупать людские грехи, что обыгрывает возвращение к теме страданиям Христовым, так и возвышающемуся над Рио-де-Жанейро распятию.

Проведенный анализ позволил выявить своеобразие смыслового диалога концептов «колдовство» и «христианство» в стихотворении А. Ширяева. Среди мотивов, группирующихся вокруг триады «город – женщина – поэт» следует выделить мотивы: одержимости, завороченности, экстаза, визиальности, поэтического вдохновения, поиска истины и др. Среди персонажных образов, входящих в семантическое поле концепта «колдовство», следует выделить две группы. Первая группа – это образы, связанные с рядом мужских персоналий, обладающих магическим статусом: маг, пророк, поэт, мученик. Вторая

группа – это образы, идентифицирующиеся с возлюбленной лирического героя, так или иначе связанные с темой колдовства: Магдалина, одержимая бесами, Вавилонская блудница, ведьма, сирена и др. Среди топосов, формирующих в ширяевском мире, смысловые доминанты концепта «колдовство» следует отметить в первую очередь следующие: город, столб, дом, дорога. Авторский концепт «колдовство», реализованный в стихотворении Андрея Ширяева, становится для поэта возможностью вступить в диалог не только гностицистской и эзотерической традициями, а наследовать опыт Серебряного века с его обращенностью к теме творчества как приближения к запредельному и освоению колдовских практик. Колдовской акт зачастую осмысливается в стихотворении Андрея Ширяева не только как метафора творчества, но и откровения. Коннотации связанные с христианскими мотивами, символами и ментальными пластами, направлены на преобразование демонического компонента концепта «колдовство» и введение тем очищения и искупления.

Список использованной литературы

1. Андреева В. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – М. : Астрель, 2004. – 556 с.
2. Махов А. Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря / А. Е. Махов. – М. : Intrada, 2006. – С. 208–213.
3. Попова Н. Н. Античные и христианские символы / Н. Н. Попова. – СПб. : Аврора, 2003. – 63 с.
4. Топоров В. В. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. В. Топоров // Исследования по структуре текста. – М. : Наука, 1987. – С. 121–132.
5. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл; [пер. с англ. А. Е. Майкапара]. – М. : Крон-пресс, 1996. – 354 с.
6. Холл М. П. Энциклопедическое изложение символистской философии; [пер. с англ.] / Мэнли П. Холл. – СПб. : Мидгард, 2007. – 864 с.
7. Фокина С. А. Диалог авторского сознания и текста – контекста – интертекста в стихотворении А. Ширяева «Ты начинаешься из темноты...» / С. А. Фокина // Вісник Одеського національного університету. – Сер. : Філологія. – Т. 21. – Вип. 1 (13). – 2016. – С. 161–170.
8. Фокина С. А. Славянский и европейский контекст в лирике Андрея Ширяева / С. А. Фокина // Наукові праці: науково-методичний журнал. – Вип. 265. – Т. 277. – Філологія. Літературознавство. – Миколаїв : ЧДУ ім. Петра Могили, 2016. – С. 111–115.
9. Франк-Каменецкий И. Г. Колесница Иеговы. Труды по библейской мифологии / И. Г. Франк-Каменецкий. – М. : Лабиринт, 2004. – С. 224–236.
10. Ширяев А. Мастер зеркал – поэзия и проза [Электронный ресурс] / А. Ширяев. – Режим доступа к ист. : <http://www.shiryaev.com/>
11. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре / М. Элиаде; [пер. с англ. Е. В. Сорокиной]. – М. : Гелиос, 2002. – 224 с.